

«Когда-нибудь я научу компьютер сочинять песни»

ИЗВЕСТИЯ: Во Франции арабскую музыку слушают очень давно.

Ино: И это многое изменило! Франция стала крайне любопытным местом. Здесь невероятный микс культур, ни в России, ни в Америке такого даже близко нет. Понимаете, когда что-то становится возможным в искусстве, то и в реальном мире возникает лазейка.

«Ненавижу говорить о музыке»

ИЗВЕСТИЯ: Вы на концерте пели, кажется, впервые с момента выхода альбома «Taking Tiger Mountain (By Strategy)», то есть с 1974 года. Можно ли ожидать, что эта история как-то продолжится?

Ино: Будете смеяться: я на прошлой неделе закончил новый альбом, и он именно что с песнями.

ИЗВЕСТИЯ: Правда? И на что похоже?

Ино: Это вы очень непростой вопрос задаете. Потому что (задумывается)... потому что я и правда не знаю, что ответить (надолго замолкает). По мне, так он звучит абсолютно обычно. Ну... такая музыка, какую мог бы записать Брайан Ино. Но друзья говорят — очень странная. Не знаю... Называется он «Еще один день на земле», это что-то вроде серии картин. О пробуждении, о... Нет, простите, не могу. Я ненавижу, ненавижу говорить о музыке. Ну правда, это все равно что описывать слепому «Мону Лизу». Она вроде как улыбается, и у нее коричневые глаза, и сзади там фоном такое небо... Невозможно.

ИЗВЕСТИЯ: Я внимательно изучил документы основанного вами общества Long Now Foundation. Идея, как я понял, в том, чтобы пропагандировать долгосрочные проекты, вырывающиеся за пределы человеческой жизни.

Ино: Совершенно верно. Long Now Foundation, например, строит часы, которые будут идти следующие десять тысяч лет.

ИЗВЕСТИЯ: А эту концепцию можно как-то приложить к сочинительству?

Ино: Безусловно. Очень многие мои произведения так или иначе воплощают идею музыки, которая длится бесконечно и беспрестанно воспроизводит саму себя, ни разу не повторяясь. Как сочинить композицию, которая будет длиться десять тысяч лет? Пару лет назад я записал альбом, который называется «Январь 7003 года». Он базируется на одной смешной идее... Мы думали о наших часах и о том, как было бы забавно, если бы из них раз в тысячу лет выскакивала кукушка. А потом я подумал о колоколах. Они меня вообще давно интересуют. Вы знаете, что колокольный звон — это едва ли не единственное, что Англия дала миру музыки? Физика колоколов — материя очень интересная, я ею специально интересовался, ну и просто сам звук мне очень нравится. Так вот, если представить себе часы с боем и взять десять разных колоколов, то суммы различных комбинаций, которые можно из них составить, хватило бы как раз на десять тысяч лет — по одной комбинации в день. Мой друг написал специальный алгоритм, при помощи которого можно узнать, какой набор колоколов будет играть, скажем, на протяжении января 7003 года, каждый день. И это стало основой альбома. То есть это музыка, которой, вообще говоря, еще не существует: должно пройти семь с лишним тысяч лет, прежде чем колокола сойдутся в такую последовательность. И это, между прочим, совершенно прекрасная пластинка, едва ли не лучшая, которую я когда-либо выпускал.

ИЗВЕСТИЯ: Никогда не видел ее в продаже.

Ино: А ее только на моем сайте можно заказать. (после паузы) Музыка ведь чем важна? Она позволяет людям ощутить течение времени. Это то, чего современному человеку, который живет «здесь и сейчас», очень не хватает. А сочинительство позволяет раздвинуть границы возможного. Сочиняя, ты волей-неволей настраиваешь себя на постижение механики времени.

ИЗВЕСТИЯ: К вашему будущему альбому все это тоже относится?

Ино: Как и ко всему, что я делаю. Когда начинаешь мыслить в таких вот категориях — тысячи лет, десятки тысяч, — то меняется угол зрения и как следствие все в твоей жизни. Но ради Бога, давайте не будем говорить о моих альбомах. Пожалуйста. Пожалуйста. Умоляю. Я и о себе-то говорить не очень люблю.

«Моби странный парень: никого не благодарит»

ИЗВЕСТИЯ: Эмбиент как жанр вам по-прежнему интересен?

Ино: По крайней мере в музыкальных магазинах я часто встречаю пластинки с эмбиентом. Очевидно, кому-то эта идея все еще кажется любопытной или полезной. Но я его давно уже не слушаю — если, конечно, сам его не сочиняю (смеется).

Мне присылают тонны эмбиента со всего мира. Непонятно... Зачем слушать чужие вещи, которые звучат в точности, как мои? Да и вообще, я не очень-то много музыки потребляю. Вот писатели! У меня есть приятель-француз, он последние лет сорок пишет повести. Он знает все! Невероятно! Если при нем упомянуть что угодно, какую-нибудь позабытую немецкую группу, которая записала один альбом в 1976 году и распалась, он тебе назовет всех ее участников, с кем они работали до этого, куда делись потом... Писатели и еще живописцы. Они всю жизнь стоят, рисуют, им же надо что-то слушать. Вот это да, настоящие эксперты.

«Мы работали с U2 в студии, и туда все время кто-то звонил: какие-то премьер-министры, адвокаты, президенты. В какой-то момент я попросил никого не переводить на Боно. Час мы работаем, все идет прекрасно, и вдруг появляется Сэмми, совершенно белый, и одними губами говорит: «Там... на проводе... папа римский!»

ИЗВЕСТИЯ: Не могу представить, что вы ощущаете, входя в музыкальный магазин. Эмбиент — это ваше изобретение. Примерно две трети нового рока — это реплики с нью-йоркского андеграунда конца 70-х, который вы продюсировали. Вся world music по сути началась с вашего совместного с Бирном альбома «My Life In The Bush Of Ghosts» (1980), и сэмплирование до вас никто так активно не использовал. Тот же Моби, по-хорошему, должен платить вам проценты с каждого альбома.

Ино: (оживившись) Да, да! С Моби вы совершенно правы. И, между прочим, я бы не отказался. Но Моби странный парень. Мне нравится его музыка, но вы заметили, что в буклетах дисков он никому не выражает благодарности? Вот был у него такой громкий хит, где взят голос давно умершего черного музыканта. Но на альбоме об этом ни слова! И все думают, что это сам Моби и поет. Нет, правда, не смейтесь! Я много раз слышал, как люди говорят: какой отличный певец этот Моби. Когда мы делали «My Life In The Bush Of Ghosts», мы потратили кучу времени, чтобы отследить и указать, откуда взят тот или иной сэмпл. А Моби, наоборот, словно хочет специально это скрыть. Конечно, поп-музыка — это своего рода фольклор. Так и должно быть: идеи передаются, изменяются, кто-то взял кусочек, а остальное выбросил. Но спасибо-то можно сказать?

ИЗВЕСТИЯ: То, что такие люди, как Рашид Таха, сейчас выступают на стадионах, — в этом определенно есть и ваша заслуга

Ино: Пожалуй, вы правы. По крайней мере после «My Life In The Bush Of Ghosts» многие люди обнаружили, что есть иной, совершенно удивительный музыкальный мир. Когда мы использовали записи каких-нибудь певцов из горного Ливана, уверяю вас, тогда мало кто знал, что такое вообще существует. Но, конечно, world music появилась бы и без нас, идея витала в воздухе. Потом уже выяснилось, что почти все мои

знакомые думали в том же направлении. Например, Холджер Шукай параллельно с нами записывал альбом «Ethnic Forgery», абсолютно такой же по концепции. Просто мы успели первыми. Когда есть все слагаемые — а они тогда были, повторюсь, у всего моего круга, — то чтобы сложить их вместе, даже особого ума не надо. А вообще, очень приятно, что вы придаете этому альбому такое значение.

ИЗВЕСТИЯ: Это не я, это, так сказать, музыкальная общественность.

Ино: Ну ладно... Знаете, какие рецензии были, когда он вышел? Ужасающие. Вообще-то пресса в свое время разгромила большинство моих дисков, но в тот раз... Village Voice, помнится, обвинила меня в культурном империализме. Типично нью-йоркская реакция!

«Сочинить песню ужасно сложно»

ИЗВЕСТИЯ: Работа с Таха сильно отличалась от других ваших коллабораций? Вам ведь, слава Богу, есть с чем сравнивать.

Ино: (после долгой паузы) Пожалуй, главных отличий два. Во-первых, практически у всей музыки, которую играет Таха, компьютерная подложка. То есть музыкантам на сцене всегда есть на что опереться, и это дает определенную свободу. Когда я играл в Roxу Music, ничего такого даже близко не было. А во-вторых, у Таха же не музыка, а сплошная политика. Вы знаете, о чем он поет?

ИЗВЕСТИЯ: Мне переводили то, что он говорил со сцены. Ширак, Ле Пен, палестинский вопрос — довольно обширные проповеди.

Ино: Поговорите с ним, советую. Он очень умен. Я понимаю, он выглядит как такой (изображает кого-то вроде сильно пьяного Джима Моррисона)... рок-н-рольный дурачок. На самом деле Рашид — чрезвычайно интеллигентный, образованный человек, очень хорошо знающий историю. С крайне неожиданными взглядами. Спросите его про Палестину. Он вас удивит.

ИЗВЕСТИЯ: Ну вы до этого и с Боно сотрудничали, он-то вообще большой политик.

Ино: Это совсем другое дело. Рашид скрытный, он нарочно выставляет себя клоуном. В каком-то смысле он наследует старинной английской традиции дворцовых шутов. А у Боно как раз все очень конкретно и четко. Он ведь тоже совсем неглуп. Но он этого ни в коем случае не скрывает, даже наоборот. И, конечно, Боно возвращается совсем в других сферах. Я вам одну историю расскажу. Мы работали с U2 в студии, и туда все время кто-то звонил: какие-то премьер-министры, адвокаты, президенты. В какой-то момент я вышел и сказал парню на телефоне: Сэмми, мне нужно два часа тишины. Не переводи никого на Боно, о'кей? Час мы работаем, все идет прекрасно, и вдруг появляется Сэмми, совершенно белый, и одними губами говорит: «Там... на проводе... папа римский!». Ну тут я, конечно, сдался.

ИЗВЕСТИЯ: Не могу понять, что вам до сих пор интересно в нынешних рок-группах. Ну ладно U2, но какая-нибудь группа James — на что она вам сдалась, зачем вы с ней работали?

Ино: Да я ненавижу рок! Нет, правда. Но, знаете, меня по-прежнему ужасно интригует феномен песни. Ведь сочинить песню ужасно сложно. Напузырить целый альбом эмбиента куда легче. Включи хороший синтезатор, он сам все сделает. Музыку сейчас вообще делать все проще и проще, со всеми этими секвенсорами, сэмплерами... Можно купить ее по частям: уже готовый ритм, басовую партию, какую-нибудь мелочевку из старого буги-вуги, что угодно. Вот песню компьютер пока написать не может. Интересная проблема, увлекательная. Я надеюсь когда-нибудь такую программу создать.

ИЗВЕСТИЯ: И напоследок не могу вам не показать одну вещь. В Шанхае я купил набор открыток со сценами из китайской революционной оперы «Taking Tiger Mountain» 1972 года издания. Я правильно понимаю, что вы точно такой же купили 30 с чем-то лет назад и именно в его честь назвали свой знаменитый альбом?

Ино: (берет открытки в руки) О Боже! Да-да, абсолютно. Я случайно наткнулся на них в Канаде, в 1973-м, кажется (перелистывает)... Потрясающе. Все-таки эта революционная эстетика маоистского Китая... Она на меня тогда произвела совершенно сокрушительное впечатление. Самое смешное, что я недавно был в Пекине и пробовал разыскать эти открытки, но нашел только на китайском, английских не было. Вам несказанно повезло (с явной неохотой кладет их на стол). А если не секрет — за сколько они вам достались?

ИЗВЕСТИЯ: Долларов за десять, что ли.

Ино: Ну что сказать... Невероятно удачная сделка. С меня слушали гораздо больше.